

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 7 КЛАСС

1. [10 баллов] ПЕРЕПУТАННЫЕ СТРОКИ

В стихотворении перепутаны строки.

а) Восстановите стихотворение: перепишите строки в правильном порядке.

Подсказка 1: обратите внимание на знаки препинания в концах строк.

Подсказка 2: рифмовка в стихотворении парная.

МЩЕНИЕ

Конь бешеный сбросил в реку седока.
И труп поглощён был глубокой рекой.
И мост на коне проскакать он спешит,
Убийце завиден сан рыцаря был.
Он выплыть из всех напрягается сил,
Свершилось убийство ночью порой –
Но панцирь тяжёлый его утопил.
И шпоры и латы убийца надел
Но конь поднялся на дыбы и храпит.
Он шпоры вонзает в крутые бока –
И в них на коня паладинова сел.
Изменой слуга паладина убил:

б) Обозначьте жанр стихотворения, которое Вы восстановили. Как называется этот жанр?

в) Назовите 2–3 примера стихотворений этого жанра. Укажите их авторов и названия.

2. [20 баллов] ОБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Прочитайте отрывки стихотворных текстов, принадлежащие разным авторам. Определите, какую роль играет в них образ **дуба**. Выделите общие черты этого образа в разных отрывках, назовите их, напишите об этом, опираясь на представленные тексты. Рекомендуемый объём – 100–150 слов.

Гляжу ль на **дуб** уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.
(А.С. Пушкин. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», 1829)

И свежую могилу осеняет
Тенистый **дуб**, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребён в лесу при тьме ночной.
(И.И. Козлов. «Тайна», 1836)

...Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный **дуб** склонялся и шумел.
(М.Ю. Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу...», 1841)

Какие праздничные дни –
Чем дальше в жизнь, тем чаще, чаще.
Мне кажется трава сродни,
И старый **дуб** – мой милый пращур.
(Е.Ю. Кузьмина-Караваева, «Какие праздничные дни...», 1930)

3. [40 баллов] РАБОТА С ТЕКСТОМ

Это задание содержит два варианта. Выберите **ТОЛЬКО ОДИН** из них.

Вариант 1. Прозаический текст.

Прочитайте. Напишите сочинение об этом рассказе, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 200–250 слов.

Евгений Иванович Носов (1925–2002)

ЧЁРНЫЙ СИЛУЭТ

У самой береговой кромки отпечатались мои следы. В них уже успела набраться вода, и я вижу, как маленький кулик-песочник бегаёт от следа к следу и тычет в них длинным шильцем. В десяти шагах он останавливается. Потом начинает пересчитывать следы в обратном порядке.

Вот ведь как получается: рядом бегаёт крошечная пичуга, и оттого, что она не считает тебя своим врагом, чувствуешь большое удовлетворение. Недоверие природы унижает человека. По чистым пескам отмели проносится расплывчатая тень. Кулик замирает, так и не опустив поднятую было для очередного стежка лапку.

Я оглядываю небо и замечаю в ясной полуденной синеве чёрную букву «Т». Она кружит над плёсом, недвижно распластав крылья, и, когда наплывает на солнце, по прибрежным пескам мелькает быстрая тень. Чьи-то невидимые глаза, чей-то разбойный замысел кружат над мирными берегами.

У человека и птицы разные враги в небе. Очевидно, кулик распознал своего врага – коршуна. Для меня же этот чёрный силуэт вдруг отпечатался вражеским разведчиком. Память воскресила зловещую букву «Т» над растерянными и незащитными улицами. Мы, тогда ещё мальчишки, вот как этот кулик, с неосознанной тревогой вглядывались в небо, такое же ясное и привычное. Чьи-то невидимые глаза, чей-то разбойный замысел кружили над нашими детскими играми, над нашей шахматной доской, над подсолнухом у забора...

Я перевожу взгляд на кулика. Он больше не суетится над шахматной задачей моих следов, он замер и, вскинув голову, вглядывается в небо.

Плёт затих, затаился под этим неслышным скольжением недоброй птицы. Смолкла, не тенькает в куге камышевка, куда-то незаметно увела свой шумный выводок утка. И хотя нарушен не мой покой и мне решительно ничего не угрожает, но почему-то тоже становится неуютно от повисшего над землёю чёрного силуэта...

А он всё кружит и кружит, настойчиво и нахально сверля глазами пески и травы, камыши и тихую гладь воды.

Но вот коршун оставляет плёт, широким полукругом перемещается в заречье и повисает над старицами и луговыми болотцами. Теперь, со стороны, он ещё больше похож на вражеский бомбардировщик...

И вдруг из затихших трав в небо почти вертикально взмывают две серо-серебристые птицы. Их согласный, решительный бросок в высоту похож на взлёт двойки истребителей.

Коршун, увёртываясь от удара, тяжело, неуклюже взмахивает крыльями, сбивается с круга. Преследователи делают крутой вираж и снова устремляются на хищника. И только теперь по угловатым крыльям и тому особенному, устрашающему шелесту я узнаю в этих отважных летунах чибисов. Отчаянными лобовыми атаками чибисы всё дальше и дальше оттесняют коршуна, и, когда тот отлетает достаточно далеко, обе птицы оставляют преследование и идут на посадку.

Но тотчас на смену им с болотных «аэродромов» поднялась новая серо-серебристая двойка. Хищник лавирует, круто взмывает вверх, бросается вниз, но чибисы быстро перехватывают коршуна и гонят, гонят прочь от своих гнёзд. А там уже мчится ещё одна пара... Я уже не могу разглядеть очертаний. В синем небе видны лишь две белые точки, стремительно поднимающиеся наперерез чёрному пятну.

– Ну что, отбой? – с облегчением говорю я.

Кулик издаёт тонкий свист и смотрит на меня чёрным, всё ещё перепуганным глазом.

Рядом, в куге*, осторожно тенькает камышевка. Где-то снова начинают полоскаться утята. Слышно, как дробно чавкают в тине их плоские клювики.

Кулик подпрыгивает на своих тонких ходульках и бежит досчитывать следы.

Скверная это штука – непрошенный гость в небе!

<конец 1950-х>

*Куга – озёрный камыш.

1. Почему этот текст можно назвать художественным?
2. Почему рассказчик вспоминает детство?
3. В каких ещё произведениях вам встречалась подобная тема?
4. Как описаны птицы? С помощью каких художественных приёмов созданы их образы?
5. Что можно сказать об образе рассказчика?
6. Как в этом рассказе связаны человек и природа?

Вариант 2. Стихотворный текст.

Прочитайте. Напишите сочинение об этом стихотворении, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 200–250 слов.

Николай Степанович Гумилёв (1886–1921)

ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,
И её я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня – моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И её до новой встречи не сниму.

<1907>

1. Что можно сказать о лирическом герое (или лирической героине) этого стихотворения?
2. В каких ещё произведениях вам встречались подобные образы?
3. Какая тайна, по Вашему мнению, скрыта в образе перчатки?
4. Зачем в стихотворении так много повторов?
5. Как построено стихотворение? На какие строфы стихотворение разбито?

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 8 КЛАСС

1. [10 баллов] ПЕРЕПУТАННЫЕ СТРОКИ

В стихотворении перепутаны строки.

а) Восстановите стихотворение: перепишите строки в правильном порядке.

Подсказка 1: обратите внимание на знаки препинания в концах строк.

Подсказка 2: стихотворение содержит два четверостишия и два трёхстишия.

Снега хранят мой одинокий след.
Глядело только солнце, как стилет
И весело мне думать, что поэт
Его толпы не радуется привет!
На высоте, где небеса так сини,
Лишь для того, кто на вершине.
На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и донине
Где радостно сияет зимний свет,
Чертил мой стих на изумрудной льдине.
Меня поймёт. Пусть никогда в долине
Я вырезал в полдневный час сонет

б) Если текст правильно восстановлен, то должна получиться определённая стихотворная форма. Как она называется? Подсказка содержится в самом тексте стихотворения.

в) Что Вам известно об этой стихотворной форме? Напишите об этом (не более 5 предложений).

2. [20 баллов] ОБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Прочитайте отрывки стихотворных текстов, принадлежащие разным авторам. Определите, какую роль играет в них образ **сирени**. Выделите общие черты этого образа в разных отрывках, назовите их, напишите об этом, опираясь на представленные тексты. Рекомендуемый объём – 100–150 слов.

Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая –
И **сиренью** дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!
(К.М. Фофанов. «Май», 1885)

Распустилась черёмуха в нашем саду,
На **сирени** цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюблённые.
(К.Р. «Распустилась черёмуха в нашем саду...», 1885)

Кого коснусь – навеки мой.
Со мною – свет. За мною – тени.
Я – гений, веющий весной,
С дыханьем вишен и **сирени**!
(М.А. Лохвицкая. «Светлый дух», 1905)

Влекусь рекой, цвету **сиренью**,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.
(Игорь Северянин. «Не мне в бездушных книгах черпать...», 1909)

Облака над океаном,
Вдохновенная **сирень**,
И не жалко, и не странно,
Что уходит ночи тень.
(Д.Д. Бурлюк. «Рассвет», 1921)

3. [40 баллов] РАБОТА С ТЕКСТОМ

Это задание содержит два варианта. Выберите **ТОЛЬКО ОДИН** из них.

Вариант 1. Прозаический текст.

Прочитайте. Напишите сочинение об этом рассказе, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 250–300 слов.

Юрий Васильевич Бондарев (род. 1924)

СВЕТ В ОКНЕ

Январская метелица, скрип мёрзлых тополей в переулке, верховой ветер гремел железом, срывал снежную пыль с карнизов, нёс её вдоль побелённых заборов, над свежими сугробами, а оно, это единственное в ночи окно, светилось зелёным уютным пятном и, всегда одинаково яркое, тёплое, занавешенное, притягивало к себе, вызывало приятное ощущение неразгаданной тайны.

Неизменно каждый вечер меня встречал в переулке этот домашний маячок в деревянном домике, загороженный занавеской огонёк настольной лампы – и я представлял натопленную комнату, стеллажи, заставленные книгами, по всем стенам, потёртый коврик на полу перед диваном, письменный стол, стеклянный абажур лампы, распространяющий оранжевый круг в полумраке, и кого-то, мило сутуловатого, в старческих добрых морщинах, кто одиноко жил там, окружённый благословенным раем книг, листал их ласкающими пальцами, ходил по комнате шаркающей походкой, думал, работал до глубокой ночи за письменным столом, ничего не требуя от мира, от суетных его удовольствий. Но кто же он был – учёный, писатель? Кто?

Раз прошлой весной (в набухшей сыростью мартовской ночи всюду капало, тоненько звенели расколотые сосульки, фиолетовыми стёклышками отливали под месяцем незамёрзшие лужицы на мостовой) я глядел на знакомое бессонное окно, на ту же, зеленовато-тёплую, освещённую изнутри занавеску, испытывая необоримое чувство. Мне хотелось подойти, постучать в стекло, увидеть колыхание отодвинутой занавески и его знакомое в моём воображении лицо, иссечённое сеточкой морщин вокруг прищуренных глаз, увидеть стол, заваленный листами бумаги, внутренность комнатки, заполненной книгами, коврик на полу... Мне хотелось сказать, что я, наверное, ошибся номером дома, никак не найду нужную мне квартиру – примитивно солгать, чтобы хоть мельком заглянуть в пленительный этот воздух чистоплотного его жилья и работы в окружении книг, казалось, единственных его друзей.

Но я не решился, не постучал. И позднее не мог простить себе этого.

Нет, спустя два месяца ничего не изменилось, всё было по-прежнему, а в тихоньком переулке была весна, майский вечер медленно темнел в глубине замоскворецких двориков; среди свежей молодой зелени зажигались фонари над заборами, майский жук с гудением потянул из дворика, ударился о стекло фонарного колпака, упал на тротуар, замер, потом задвигал ошеломленно

лапками, пытаюсь перевернуться. Тогда я помог ему, сказав зачем-то: «Что ж ты?..» Он пополз по тротуару к стене дома, к водосточной трубе (она была в трёх шагах от окна), почувствовал я какое-то внезапное неудобство, глянувшее на меня из майских сумерек.

Окно в домике не горело. Оно было как провал...

Что случилось?

Я дошёл до конца переулка, постоял на углу, вернулся, надеясь увидеть знакомый свет в окне. Но окно сумрачно отблёскивало стёклами, занавеска висела неподвижно, не теплилось на ней преоранжевое зарево, как бывало по вечерам, и в один миг всё стало мертвенно неприятным, и показалось – там, в невидимой этой комнатке, произошло несчастье.

С беспокойством я опять дошёл до угла, выкурил две сигареты и, уже подсознательно торопясь, вернулся в переулок. Я внушал себе, что сейчас вспыхнет зелёный свет на занавеске и всё в переулке станет обыденным, умиротворённым...

Свет в окне не зажётся.

А на следующий день я почти бегом завернул по дороге домой в соседний переулок, и здесь неожиданное открытие поразило меня. Окно было распахнуто, занавеска отдёрнута, выказывая нутро комнаты, книжные полки, какую-то карту на стене, – всё это впервые увидел я, не раз представляя моего неизвестного друга за вечерней работой.

Пожилая женщина с мужским лицом и мужской причёской стояла у письменного стола, курила, смотрела в пространство отсутствующими глазами.

Тотчас она заметила меня, рывком задёрнула занавеску – и шершавый холодок вполз в мою душу. И дом, и переулок, и окно представились мне ложными, незнакомыми.

И я понял, что случилось несчастье, что мой воображаемый друг, тот седенький старичок с шаркающей походкой, к которому так тянуло меня душевно, был нужен мне, как близкий друг.

<1980-e>

1. Что можно сказать о характере рассказчика? С помощью каких средств создан его образ?
2. Какую роль играет в этом рассказе пейзаж?
3. Как Вы понимаете смысл названия рассказа?
4. В каких ещё произведениях Вам встречались подобные темы и образы?
5. Как Вы понимаете роль композиции, смысл финала рассказа?

Вариант 2. Стихотворный текст.

Прочитайте. Напишите сочинение об этом стихотворении, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 250–300 слов.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и тёмный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... – отвори же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! –
Там фонтаны из слёз матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть –
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

<1910>

1. Какие пространства открываются в этом стихотворении?
2. Какие мифологические, фольклорные, литературные ассоциации Вы видите в этом стихотворении?
3. Есть ли в стихотворении лирический герой или героиня? Если есть, что можно о нём (о ней) сказать?
4. К кому обращено стихотворение?
5. В чём смысл названия стихотворения?

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

1. [30 баллов] ЗАСЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Перед Вами фрагмент художественного произведения, описывающий некое пространство. Представьте себе людей, живущих в этом доме. Напишите очерк о них. Дайте героям имена, опишите их внешность и характер. Опирайтесь на художественные детали в предложенном фрагменте. Пишите грамотно, связно, свободно. Рекомендуемый объём – 150–200 слов. Подражать стилю автора не обязательно.

Я стал внимательней всматриваться в подлинный облик дома. Прежде всего поражала невообразимая древность этих стен. За века слиняли и выцвели краски. Снаружи всё покрылось лишайником и плесенью, будто клочья паутины свисали с карнизов. Однако нельзя было сказать, что дом совсем пришёл в упадок. Каменная кладка нигде не обрушилась; прекрасная соразмерность всех частей здания странно не соответствовала видимой ветхости каждого отдельного камня. Отчего-то мне представилась старинная деревянная утварь, что давно уже прогнила в каком-нибудь забытом подземелье, но всё ещё кажется обманчиво целой и невредимой, ибо долгие годы её не тревожило ни малейшее дуновение извне. Однако, если не считать покрова лишайников и плесени, снаружи вовсе нельзя было заподозрить, будто дом непрочен. Разве только очень пристальный взгляд мог бы различить едва заметную трещину, которая начиналась под самой крышей, зигзагом проходила по фасаду и терялась в хмурых водах озера.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ

Вышел рано. На душе хорошо, радостно. Чудное утро, солнце только вышло из-за деревьев, роса блестит и на траве, и на деревьях. Всё мило, и все милы. Так хорошо, что умирать не хочется. Точно, не хочется умирать. Пожил бы ещё в этом мире, с такой красотой вокруг и радостью на душе. Ну, да это не моё дело, а хозяина...

Подхожу к деревне; против первого дома, на дороге, ко мне боком, стоит не двигается человек. Очевидно, ждёт чего-то или кого-то, ждёт так, как умеют ждать только рабочие люди, – без нетерпения, без досады. Подхожу ближе – крестьянин, бородатый, косматый, с проседью, здоровенный, простое рабочее лицо. Курит не сигарку бумажную, а трубочку. Поздоровались.

– Где тут Алексей, старик, живёт? – спрашиваю.

– Не знаю, милый, мы нездешние.

Не я нездешний, а *мы* нездешние. Одного русского человека почти никогда нет (нечто когда он делает что-нибудь плохое, тогда – я). А то семья – мы, артель – мы, общество – мы.

– Нездешние? Откуда же?

– Калуцкие мы.

Я показал на трубку.

– А сколько в год прокуришь? Рубля три, я чай?

– Три? Не управишься ещё на три.

– А что бы бросить?

– Как её бросишь, привычка.

– Я тоже курил, бросил; как хорошо, легко.

– Известное дело. Да скучно без ней.

– А брось, и скуки не будет. Ведь хорошего в ней мало.

– Что же хорошего.

– Не хорошо, так и делать не надо. На тебя глядя, и другой станет. А пуще всего молодые ребята, Скажут; вот старый курит, а нам и Бог велел.

– Так-то так.

– И сын станет, на тебя глядя.

– Известное дело, и сын тоже...

– Так брось.

– Бросил бы, да скучно без ней, едят её мухи. От скуки больше. Станет скучно, сейчас за неё. Вся беда – скучно. Так скучно другой раз... скучно, скучно, – протянул он.

– А от скуки лучше о душе подумать.

Он вскинул на меня глазами, лицо его вдруг стало совсем другое, внимательное, серьёзное, не такое, как прежде, добродушно-шутливое, бойкое, краснобайное.

– Об душе подумать, об душе, значит? – проговорил он, пытливо глядя мне в глаза.

– Да, о душе подумаешь и все глупости оставишь.

Лицо его ласково просияло.

– Верно это, старичок. Верно ты говоришь. Об душе первое дело. Первое дело об душе. (Он помолчал.) Спасибо, старичок. Верно это. (Он указал на трубку.) Это что, одни пустяки, о душе первое дело, – повторил он. – Верно ты говоришь. – И лицо его стало ещё добрее и серьёзнее.

Я хотел продолжать разговор, но к горлу что-то подступило (я очень слаб стал на слёзы), не мог больше говорить, простился с ним и с радостным, умилённым чувством, глотая слёзы, отошёл.

Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого прекрасного от такого народа?

(1909)

Вариант 2. Стихотворный текст.

Михаил Валентинович Кульчицкий (1919–1943)

* * *

Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
 черна от пота,
 вверх
скользит по пахоте пехота.

Марш!

 И глина в чавкающем топоте
 до мозга костей промёрзших ног
 наворачивается на чёботы
 весом хлеба в месячный паёк.

На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

(1942)

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

1. [30 баллов] ВРАЧИ и ПАЦИЕНТЫ

*Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство...*

А.С. Пушкин

Герои русской литературы XVIII–XIX вв. болеют и умирают от болезней.

А. Назовите 7–10 героев русской литературы XVIII–XIX вв., мнимо или подлинно болеющих (возможно, умирающих от болезни). Укажите названия произведений, их авторов, а также значение болезни для развития сюжета или характера персонажа. По возможности укажите диагноз.

Б. Назовите также персонажей-врачей.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988)

В КАБИНЕТЕ ХИРУРГА

В белой бязевой рубашке навыпуск и таких же штанах профессор напоминал полового в старинном русском трактире. Он сидел за массивным столом в кабинете, бледный, длинноносый, уставший после очередной операции, и что-то сосредоточенно записывал. Я дружила с ним, и иногда мне удавалось уговорить его поехать к нам на дачу, подышать свежим воздухом и пообедать в кругу друзей.

С этой целью я и зашла за ним в один из весенних дней в пять часов вечера.

– Здравствуйте, милая моя. – Он поднял на меня глаза и, оживившись, указал на кресло возле стола: – Садитесь, пожалуйста, я скоро освобожусь.

Я забралась в кресло и украдкой начала разглядывать его характерное лицо с острыми, выразительными чертами, его угловатые плечи, обнажённые по локоть руки, сильные, нервные, его опущенные белёсые ресницы, задумчиво моргавшие под большими стёклами очков. Было в этом суховатом лице нечто магнетически приковывающее ваше внимание, какой-то «сверхинтеллект» присутствовал в каждом его выражении. За лёгкой иронией, сквозившей в приспущенных веках и вежливой улыбке, всегда таился живой темперамент, горела неугасимая жажда познания и совершенствования, и всё это

воплощалось в его подлинном, врождённом артистизме. Если б он не был хирургом, был бы великим актёром. Своей значительностью и благородством лицо профессора напоминало какого-то старинного европейского вельможу. Такие лица можно встретить на холстах голландских мастеров – под чёрным беретом, над белоснежными брыжами, чёрный бархат, золотая цепь. А душа в нём была пылкая, вдохновенная душа русского артиста...

Дверь приоткрылась, и кто-то робко спросил:

– Можно?

– Можно. Кто это? – не отрываясь от рукописи, пробурчал профессор.

Худой человек в железнодорожной форме с брюзгливо опущенными углами рта вошёл и стал возле стола.

– Тебе чего? – Профессор вскинул глаза.

– Болит, – мрачно прогудел посетитель.

– Что болит-то? – Профессор продолжал писать.

– Да вот семь лет назад, – нерешительно начал посетитель, – вы мне удалили желудок...

– Ну и что? – Профессор оторвался от рукописи и внимательно уставился на железнодорожника.

– Ну, вот теперь, как чуть больше покушаешь, ноет... отзывно так.

– Скинь китель и заверни рубаху, – приказал профессор, и посетитель торопливо принялся раздеваться.

Когда обнажился худой, втянутый, пересечённый швом живот, пальцы профессора легли на желтоватую кожу. Пальцы эти, длинные, гибкие, как у пианиста, нажимали, вдавливались легко и упруго, прощупывали, поглаживали, словно выпрашивая, словно ведя таинственную беседу, прислушиваясь, выискивая, и подозревая, и снова успокаиваясь.

– Ну что же, брат, полный порядок у тебя в животе. Ничего не вижу опасного. – Профессор поправил очки и снизу вверх посмотрел на пациента строго, но весело.

– А почему же, к примеру, как чуть картошки больше возьмёшь, так ночью схватит... ух ты боже мой как! – громко жаловался железнодорожник, и в голосе его послышался горький упрёк.

– А тебе что, много надо ещё лопать? – вскинул брови профессор.

Железнодорожник стоял с поднятой рубахой и смотрел на профессора огорчённо и недоверчиво.

– Ты пойми, что тебе-то без желудка надо есть почаще и помалу. Пойми, что уже семь лет, как должен бы гнить в земле. – Голос профессора стал раздражённым. – А ты по земле разгуливаешь! Работаешь, с женой, поди, препираешься, ребят шлёпаешь, с приятелями выпиваешь... Ты же живёшь! – И вдруг, озлившись, профессор встал с кресла и крикнул: – Ведь живёшь! Да ещё хочешь, чтоб много можно было есть, всё тебе мало? Эх, ты! Каждый день должен бы спасибо говорить! А ты ещё обижаешься... Сукин ты сын, больше никто! – Он повернулся и зашагал по кабинету.

Железнодорожник быстро заправил рубаху, надел китель и со смущённой улыбкой подошёл к профессору:

– Извините, Сергей Сергеевич! Простите великодушно. Ваша правда. Простите меня, дурака. Вот ведь обжора! И то правда, что сукин сын я ненасытный! – И с каким-то отчаянием добавил: – Ну, не буду вас больше тревожить, извините, больше не буду! – Он вдруг обхватил сухие плечи профессора и поцеловал его в губы, потом тихо выскользнул из кабинета, притворив дверь за собой.

А Сергей Сергеевич повернулся ко мне, всё ещё сидящей на прежнем месте, вежливо улыбнулся и, сказав: «Извините, я ненадолго оставлю вас!» – вышел в соседнюю комнату.

Через две минуты он появился свежий, элегантный, в светло-сером костюме.

– Я готов. Едемте! – И, улыбнувшись, Юдин широко распахнул передо мной дверь кабинета.

(Из книги «Волшебство и трудолюбие», 1989)

Вариант 2

Александр Петрович Межиров (1923–2009)

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полёта,

Очереди пулемёта
режут под корень траву.

Я сплю,
положив голову
на синявинские болота,

А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.

И, когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,

Синявинские болота
хлюпают подо мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку, –
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на моё плечо
на погон полевой, зелёный
Падают первые капли,
майские капли дождя.

А я всё дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива.
Я пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.

А весна между тем крепчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамёна
бросить к ногам Кремля.

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжёлые веки,
вижу, как наяву,
Я сплю,
положив под голову
синявинские болота,
А ноги мои упрутся
в Ладогу и в Неву.
(1954)

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [30 баллов] КУЛИНАРНАЯ КНИГА

*Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня,
что будут порционные судачки а натюрель. Virtuозная штука!*

М.А. Булгаков

Герои русской литературы по-разному относятся к еде и напиткам. Составьте небольшой (10–15 статей) сборник-словарь, посвящённый кушаньям и напиткам в русской литературе. Укажите имена персонажей, названия произведений, имена авторов, а также значение (возможно, символическое) этого кушанья или напитка в развитии сюжета или характера героя. Рецепты приготовления блюд приводить не обязательно. Оцениваются: количество статей, количество упомянутых произведений, фактическая точность, полнота объяснений.

Пример словарной статьи.

УХА. В басне И.А. Крылова «Демьянова уха» (1813) Демьян потчует ухой своего соседа Фоку и при этом становится настолько назойлив, упрашивая отведать ещё и ещё, что Фока не выдерживает и сбегает. Басня метит в графоманов, поскольку уха здесь – аллегория бездарных стихов и прозы, о чём говорится в финале басни. Выражение «Демьянова уха» стало крылатым в значении «нечто назойливо предлагаемое, навязываемое кому-либо в большом количестве».

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)

ДОЖДЬ

Мы бурили на новом полигоне третий день. У каждого был свой шурф, и за три дня каждый углубился на полметра, не больше. До мерзлоты ещё никто не дошёл, хотя и ломы и кайла заправлялись без всякой задержки – редкий случай; кузнецам было нечего оттягивать – работала только наша бригада. Всё дело было в дожде. Дождь лил третьи сутки не переставая. На каменистой почве нельзя узнать – час льёт дождь или месяц. Холодный мелкий дождь. Соседние с нами бригады давно уже сняли с работы и увели домой, но то были бригады блатарей – даже для зависти у нас не было силы.

Десятник в намокшем огромном брезентовом плаще с капюшоном, угловатом, как пирамида, появлялся редко. Начальство возлагало большие надежды на дождь, на холодные плети воды, опускавшиеся на наши спины. Мы давно были мокры, не могу сказать, до белья, потому что белья у нас не было. Примитивный тайный расчёт начальства был таков, что дождь и холод заставят нас работать. Но ненависть к работе была ещё сильнее, и каждый вечер десятник с проклятием опускал в шурф свою деревянную мерку с зарубками. Конвой стерёг нас, укрывшись под «грибом» – известным лагерным сооружением.

Мы не могли выходить из шурфов – мы были бы застрелены. Ходить между шурфами мог только наш бригадир. Мы не могли кричать друг другу – мы были бы застрелены. И мы стояли молча, по пояс в земле, в каменных ямах, длинной вереницей шурфов растягиваясь по берегу высохшего ручья.

За ночь мы не успевали высушить наши бушлаты, а гимнастёрки и брюки мы ночью сушили своим телом и почти успевали высушить. Голодный и злой, я знал, что ничто в мире не заставит меня покончить с собой. Именно в это время я стал понимать суть великого инстинкта жизни – того самого качества, которым наделён в высшей степени человек. Я видел, как изнемогали и умирали наши лошади – я не могу выразиться иначе, воспользоваться другими глаголами. Лошади ничем не отличались от людей. Они умирали от Севера, от непосильной работы, плохой пищи, побоев, и хоть всего этого было дано им в тысячу раз меньше, чем людям, они умирали раньше людей. И я понял самое главное, что человек стал человеком не потому, что он Божье создание, и не потому, что у него удивительный большой палец на каждой руке. А потому, что был он физически крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил своё духовное начало успешно служить началу физическому.

Вот обо всём этом в сотый раз думал я в этом шурфе. Я знал, что не покончу с собой потому, что проверил эту свою жизненную силу. В таком же шурфе, только глубоко, недавно я выкайлил огромный камень. Я много дней бережно освобождал его страшную тяжесть. Из этой тяжести недоброй я думал создать нечто прекрасное – по словам русского поэта. Я думал спасти свою жизнь, сломав себе ногу. Воистину это было прекрасное намерение, явление вполне эстетического рода. Камень должен был рухнуть и раздробить мне ногу. И я – навеки инвалид! Эта страстная мечта подлежала расчёту, и я точно подготовил место, куда поставлю ногу, представил, как легонько поверну кайлом – и камень рухнет. День, час и минута были назначены и пришли. Я поставил правую ногу под висящий камень, похвалил себя за спокойствие, поднял руку и повернул, как рычаг, заложенное за камень кайло. И камень пополз по стене в назначенное и вычисленное место. Но сам не знаю, как это случилось, – я отдёрнул ногу. В тесном шурфе нога была помята. Два синяка, три ссадины – вот и весь результат так хорошо подготовленного дела.

И я понял, что не гоюсь ни в членовредители, ни в самоубийцы. Мне оставалось только ждать, пока маленькая неудача сменится маленькой удачей, пока большая неудача исчерпает себя. Ближайшей удачей был конец рабочего дня, три глотка горячего супу – если даже суп будет холодный, его можно подогреть на железной печке, а котелок – трёхлитровая консервная банка – у меня есть. Закурить, вернее, докурить, я попрошу у нашего дневального Степана.

Вот так, перемешивая в мозгу «звёздные» вопросы и мелочи, я ждал, вымокший до нитки, но спокойный. Были ли эти рассуждения некой тренировкой мозга? Ни в коем случае. Всё это было естественно, это была жизнь. Я понимал, что тело, а значит, и клетки мозга получают питание недостаточное, мозг мой давно уже на голодном пайке и что это неминуемо скажется сумасшествием, ранним склерозом или как-нибудь ещё... И мне весело было думать, что я не доживу, не успею дожить до склероза. Лил дождь.

Я вспомнил женщину, которая вчера прошла мимо нас по тропинке, не обращая внимания на окрики конвоя. Мы приветствовали её, и она нам показалась красавицей – первая женщина, увиденная нами за три года. Она помахала нам рукой, показала на небо, куда-то в угол небосвода, и крикнула: «Скоро, ребята, скоро!» Радостный рёв был ей ответом. Я никогда её больше не видел, но всю жизнь её вспоминал – как могла она так понять и так утешить нас. Она указывала на небо, вовсе не имея в виду загробный мир. Нет, она показывала только, что невидимое солнце спускается к западу, что близок конец трудового дня. Она по-своему повторила нам гётевские слова о горных вершинах. О мудрости этой простой женщины, какой-то бывшей или сущей проститутки – ибо никаких женщин, кроме проституток, в то время в этих краях не было, – вот о её мудрости, о её великом сердце я и думал, и шорох дождя был хорошим звуковым фоном для этих мыслей. Серый каменный берег, серые горы, серый дождь, серое небо, люди в серой рваной одежде – всё было

очень мягкое, очень согласное друг с другом. Всё было какой-то единой цветовой гармонией – дьявольской гармонией.

И в это время раздался слабый крик из соседнего шурфа. Моим соседом был некто Розовский, пожилой агроном, изрядные специальные знания которого, как и знания врачей, инженеров, экономистов, не могли здесь найти применения. Он звал меня по имени, и я откликнулся ему, не обращая внимания на угрожающий жест конвоира – издалека, из-под гриба.

– Слушайте, – кричал он, – слушайте! Я долго думал! И понял, что смысла жизни нет... Нет...

Тогда я выскочил из своего шурфа и подбежал к нему раньше, чем он успел броситься на конвойных. Оба конвоира приближались.

– Он заболел, – сказал я.

В это время донёлся отдалённый, заглушённый дождём гудок, и мы стали строиться.

Мы работали с Розовским ещё некоторое время вместе, пока он не бросился под гружёную вагонетку, катившуюся с горы. Он сунул ногу под колесо, но вагонетка просто перескочила через него, и даже синяка не осталось. Тем не менее за покушение на самоубийство на него завели дело, он был судим, и мы расстались, ибо существует правило, что после суда осуждённый никогда не направляется в то место, откуда он прибыл. Боятся мести под горячую руку – следователю, свидетелям. Это мудрое правило. Но в отношении Розовского его можно было бы и не применять.

(1958)

Вариант 2. Стихотворный текст.

Александр Петрович Межиров (1923–2009)

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЁННОМ ИМЕНИ

От зелёного поля села
До зелёного поля стола,
По которому крутится-вертится шар заказной
В знаменитой пивной,
В «Метрополе»,
Деревенского парня судьба довела,
Как тогда говорили, по божеской воле.
Вскоре сделался он игроком настоящим. А это
Многokrратно усиленный образ поэта,
Потому что великий игрок
Это вовсе не тот, кто умеет шары заколачивать в лузы,
А мудрец и провидец, почти что пророк,
С ним, во время удара, беседуют музы.
Как поэт, он обидой ничтожной раним,
Как игрок, ненадёжной удачей храним,
Потому что всегда Серафим
Шестикрылый свои простирает крыла
И над ним,
И над полем зелёным стола,
По которому крутится-вертится тот партионный
Или этот, поменьше, в котором «своя»,
Кариолисовы утверждая законы,
Куш, делённый на доли, кому-то суля.
В святцах смысла особого не разумея,
В честь Есенина перекрестили Егора в Сергея
Игроки игрока. И в назначенный срок
Первородное имя к нему возвратилось. Игрок
Кий сменил на пророческий посох
И творит не на аспиде шульцовских досок,
А на белых страницах – проводки рифмованных строк.
Что прославить ему суждено,
Поле сельское, или сукно,
По которому...
Впрочем, не всё ли равно.
У поэзии нет преимущества перед игрой –
Вечный бой – лишь бы только остаться собой.
Ни к тому и ни к этому лиру его не ревную, –
Всё присущее миру в гармонию входит земную.

<1960-e>

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.